

Иван Алексеевич Подюков

доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (614056, Пермь, ул. Сибирская, 24)

E-mail: podjukov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1844-5038>

Антропонимы в составе русских диалектных фразеологизмов: векторы семантического переосмысления

Аннотация

Цель настоящей статьи — анализ роли антропонимов в субстантивных диалектных фразеологизмах, бытующих в русских говорах Прикамья. Используются материалы пермских региональных словарей и личного архива автора. Рассматриваются источники образования, особенности семантики, структурная оформленность пермских фразеологических единиц, включающих в себя имена собственные. Лингвокультурологический анализ позволил выявить культурные смыслы таких фразеологизмов и их компонентов, прояснить основания фразеологической образности. В ряде случаев он сочетался с семантическим анализом, дополнялся наблюдениями за функционированием отонимических фразеологизмов в речи. В статье рассматриваются выражаемые антропонимами и отантропонимическими дериватами когнитивные и символические смыслы диалектных фразеологизмов, заключенные в них отсылки к широкому контексту народной культуры. Прослежено символическое переосмысление наиболее активно используемых для формирования фразеологизмов личных имен и отантропонимических образований, их оценочные коннотации в устойчивых диалектных оборотах. Выявлены семантические сдвиги общерусской символики имен, обусловленные культурно-историческими, этнокультурными и внутриязыковыми причинами. В народном фразеологическом творчестве отмечается ограниченность обращений к античным, историческим, литературным именам, именам сферы искусства и науки, а с другой стороны — активное применение имен (обычно в их народно-разговорной форме) наиболее популярных в русской традиционной культуре христианских святых, прецедентных имен фольклорного происхождения. Выявляются факты языковой игры в фразеологизмах, содержащих имена собственные. Делаются выводы о значимости субстантивных отантропонимических фразеологизмов для выражения ценностных стереотипов носителей диалектной речи. Проведенный анализ антропонимического материала позволит в дальнейшем уточнить представления о механизмах фиксации культурного знания народа, об особенностях народного миропонимания. Фразеологизмы с антропонимами служат для обобщения народных представлений о социальных типах людей, выражают стереотипные оценки их морально-этических качеств, особенностей характера.

Ключевые слова

антропонимия; антропонимические дериваты; диалектные фразеологизмы; русские говоры Прикамья; семантика антропонима; культурный потенциал русского имени; народный символизм

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00314, <https://rscf.ru/project/25-28-00314/>, «Ономастический портрет современного промышленного региона».

Для цитирования

Подюков И. А. Антропонимы в составе русских диалектных фразеологизмов: векторы семантического переосмысления // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 3. С. 258–274. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.3.036

Рукопись поступила в редакцию 13.03.2025

Рукопись принята к печати 13.08.2025

Ivan Alekseevich PODYUKOV

DrHab, Professor of the Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages, and Language Teaching Methods, Perm State Humanitarian Pedagogical University (24, Sibirskaya St., 614056 Perm, Russia)

Email: podjukov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1844-5038>

Anthroponyms as a Part of Russian Dialect Phraseological Expressions: Vectors of Semantic Reinterpretation

Abstract

This article explores the role of anthroponyms in the development of extra-literary (dialectal) phraseological expressions within the Russian dialects of the Kama region. Drawing primarily on material collected during the lexicographic study of Perm subdialects, particularly as reflected in regional dialect dictionaries, the study examines the semantic, structural, and cultural dimensions of phraseological units formed around personal names. These expressions, predominantly nominal in grammatical form, encapsulate figurative representations of people's traits, social types, behaviors, and states. The analysis foregrounds a linguo-cultural approach, identifying the symbolic meanings of these fixed expressions and the cultural foundations underpinning their imagery. In some instances, this is supplemented by semantic analysis and contextual interpretation. The article addresses how commonly used names acquire evaluative and metaphorical functions in dialect phraseology, and it traces semantic shifts from pan-Russian name symbolism to regionally inflected reinterpretations. Cultural-historical, ethnolinguistic, and intra-systemic factors are considered as drivers of such shifts. Attention is paid to the limited references to historical, literary, or artistic names in folk phraseological creativity, and to the prevalence of religious anthroponyms (often in vernacular forms) and names rooted in folklore. The folk language's playful manipulation of names is illustrated

through numerous examples. The article concludes that from-anthroponymic phraseological units serve as an expressive medium for articulating cultural values and stereotypical perceptions within dialect-speaking communities. Their study sheds light on how vernacular phraseology preserves and transmits the cultural knowledge and worldview of the people.

Keywords

anthroponymy; dialectal phraseological units; Russian dialects of the Prikamye; semantics of anthroponym; symbolism of a personal name; cultural potential of a Russian name; folk symbolism

Acknowledgments

The study was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00314, <https://rscf.ru/project/25-28-00314/>, *Onomastic Portrait of a Modern Industrial Region*.

For citation

Podyukov, I. A. (2025). Anthroponyms as a Part of Russian Dialect Phraseological Expressions: Vectors of Semantic Reinterpretation. *Voprosy onomastiki*, 22(3), 258–274. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.3.036

Received on 13 March 2025

Accepted on 13 August 2025

Народное представление именной типологии,
по-видимому, не лишено жизненного значения.

Павел Флоренский. Имена

Введение

Приведенные в эпитафье слова П. Флоренского — результат размышлений ученого, поэта, богослова о глубинной сути имени, которое он называл сущностью, имеющей реальное бытие, инструментом познания действительности и даже «инвариантом человеческой личности» [Флоренский 1993]. Говоря о закреплённости в имени оценок склада и социального типа личности, ее места в общественных отношениях, ученый указывает, что эти смыслы нередко представлены в пословицах, поговорках, в текстах дразнилок, частушек, песен. Так, имя Александр П. Флоренский характеризует как «открытое» (*Александр, Сашка — душа нараспашку*). Справедливость этих слов можно подтвердить закреплёнными в пермской традиции текстами частушек. В них героиня, выбирая себе кавалера, ориентируется на имя — отказывается ради Александра от носителей других имен: *Я Алешу к черту брошу, / Лучшие Шуру полюблю; Я любила Кольку — / Волосы под полку. / А теперь Сашку — / Ворот нараспашку*. Рассуждая об имени Алексей, П. Флоренский замечает: «в Алексее есть что-то болезненное <...> неустойчивость» [Там же].

Имя собственное является одной из культурных универсалий. Смысл, которым оно наделено, не всегда ясен и не всегда мотивирован, но часто

ощущаем. Прояснить, почему имя получает то или иное ассоциативное расширение, можно лишь наблюдая за длительной традицией его применения, на фоне обширного историко-культурного контекста. Ориентированность на выражение разнородной социокультурно-исторической информации объясняет «фразеогенность» имен собственных, их способность участвовать в образовании устойчивых выражений. В статье рассматривается включенность в семантику онимического компонента разнообразных культурных смыслов, что побуждает исследователей сближать имя с «текстами-примитивами», «свернутыми текстами», в которых отдельные объекты, фрагменты действительности не только обозначаются, но и представляются как оцененные, пропущенные через сознание носителя языка. В работе используются материалы пермских диалектных словарей и личный фразеологический архив автора.

Отонимическая фразеология — один из активно изучаемых участков фразеологической системы русского языка. Исследуются структуры фразеологизмов с компонентами-онимами, частотность личных имен в русской фразеологии, тематические группы фразеологизмов с компонентами-антропонимами [Зиманский, Радюль 2022], национальная специфика фразеологических единиц с антропонимами, реализующими в устойчивых оборотах символические смыслы [Маркевич 2014]. Рассматривая функциональный аспект онимической фразеологии, исследователи особое внимание обращают на ее вариативность, связанную с повышенной идиоматичностью оборотов с именами собственными [Ковшова, Дронов 2022]. В основном отмеченные аспекты рассматриваются на общерусском материале, однако все чаще предметом анализа становится фразеология устной сферы бытования языка — жаргонно-просторечная и диалектная. При анализе сходства и отличия ассоциативно-образной основы диалектных и общерусских фразеологизмов подчеркивается особая роль именного компонента в диалектной среде [Андреев 2016; Андреева 2023]. Имя собственное по своей природе (из-за способности не только указывать на объект, выделяя его, но и быть своеобразным атрибутом этого объекта) как нельзя лучше подходит для выражения особенностей народного мировосприятия в опредмеченной, образной, часто персонифицированной форме. Образное слово имеет особое значение для фиксации народного знания, поскольку оно представляет опыт чувственного отношения человека к миру. Во многом на материалах живой диалектной речи разрабатываются проблемы изучения ономастических коннотаций и ассоциативно-деривационной семантики имени [Березович 2007; Березович, Кривошапова 2015; Феоктистова 2016].

В народной речи отмечается значительное количество фразеологизмов, содержащих в своем составе имена собственные или их дериваты: перм. неодобр. как *Кирилло* ‘о грубом’ [ЛЗА] (скорее всего, в связи с неприязнью

деревенских к жителям города: имя *Кирилл* часто воспринимается в деревенской среде как городское, а его носитель — как выдающийся (превосходство, нескромный человек), перм. шутол. *барыня сарáтовска* ‘о легкомысленной женщине’ [ЛЗА] (вероятно, от уподобления ее поведения веселому переплясу под саратовскую гармонь с колокольчиками): «Ну ты, барыня саратовска, опять все путашь, легонькой умок» (К-В: Н. Язьва). Грубовато-шутливый оборот *тáтра моховля́нская* ‘о косолапой женщине’ (Лысьва) [ЛЗА] содержит топонимическую отсылку — указание на отдаленную прикамскую деревню, а также сопоставление с чешским грузовым автомобилем со специфическим устройством ходовой части, что делает его высокопроходимым, но внешне неуклюжим. Оттопонимические дериваты используются в значительной по количеству группе диалектных фразеологизмов, отражают этнографические особенности, придают выражениям сугубо местную, территориальную окраску. Фразеологизм *усо́льская де́вка (те́тка)* ‘о сильной, высокой девушке, женщине’ [ФСПГ: 101] отсылает к с. Усолье на севере Пермского края, где издавна обитали коми-пермяцкие племена: «Ну и девка! Выросла с усольскую тётку, больше матери и отца вызыбала» (Черд.: Кольчуг). В восприятии русских Прикамья коми-пермяки, и особенно заходившие на север края с Верхней Вычегды коми-зыряне, отличались силой, характером, что отмечает вариант выражения *с сысо́льску де́вку* [ЛЗА] (от названия р. *Сысола*, ср. старое название г. Сыктывкар — *Усть-Сысольск*). Силу, активность *сысолок* хорошо иллюстрирует рассказ о зырянках, приходивших в гости к своим северным соседям в Пермском крае: «Зырянки приходили на праздники... Ещё и наших мужиков уведут, бывало. Придёт к тебе, к чужому мужику: “Ночевать с тобой буду”. Наглые такие» (Гайн.: Конопля) [ЛЗА].

В статье рассматриваются прежде всего субстантивные фразеологизмы с антропонимами или отантропонимическими дериватами, предназначенные для наименования и образной характеристики отдельных предметов и лиц по их внешним и эмоционально-психологическим качествам.

Результаты исследования

Имя может использоваться в составе *одиночного* (как *Петру́ха* ‘прост. о нескладном человеке’) или *развернутого сравнительного оборота*, называя того, кому уподобляется характеризуемый, например: *как Стефа́ний огоро́дный* ‘о застывшем на месте человеке’: «Волк бежит, а он стал — стоит как Стефаний огородный» (Осин.: Лыва) [ЛЗА]. В последнем сравнении заключен, скорее всего, полузабытый образ первомученика Стефания, который за веру в Христа был подвергнут казни каменованием (из Деяний

святых апостолов и их толкований известно, что при побивании камнями он застыл в молитве). Символизирующее веру и стойкость перед лицом испытаний имя *Стефаний* остается достаточно популярным и понятным в пермской старообрядческой среде (для большей части сельских жителей отмеченные коннотации вряд ли актуальны). Святой мученик Стефаний почитается как один из покровителей домашнего хозяйства и как защитник дома от злых глаз и нечистой силы, ср.: «У меня имя сильное, вот на войне и не убили» (Ильин.: Петухи, записано от Степана Мялицына) [ЛЗА]; иконы с его изображением используются как обереги. Включение в состав сравнения определения *огородный* имеет свою логику. Эта попытка обновления стертой внутренней формы оборота соотносит противостояние опасности с помощью молитвы, обращения к Богу с использованием оберегов. Определение *огородный* могло быть заимствовано в этом случае из известных выражений типа *чучело (пугало) огородное* (такие чучела охраняли огород не только от птиц, но и от недобрых духов, дурного взгляда и пр.).

Весьма частотны фразеологизмы с антропонимическим определением. Такие фразеологизмы разнообразны по своей семантике. Среди них отмечены отдельные наименования видов растений и пород животных, наименования пищи, некоторых культурных реалий. Так, растение терновник называется в пермских говорах *Христовá пáлочка*: «Терник, палочка Христова, стебли шарашистые — он от грыжи» (Суксун.: Ключи) [ЛЗА]; этот народный термин отмечен как пермский и в «Ботаническом словаре» Н. И. Анненкова [1878: 317–318]. Определение *Христова* мотивировано тем, что, по легенде, из ветвей этого растения с шипами был сплетен мученический венец Христа. «Участие» растения в земных страданиях Иисуса Христа объясняет его способность представлять зло и мучения и одновременно быть средством борьбы со злом (в том числе в виде амулетов — терновых веток, щепок, палочек, используемых против нечистой силы [Агапкина 2014]). Обозначение *палочка* возвращает к многочисленным изображениям Христа с пастушеским посохом, который простые верующие принимали за волшебный жезл (о «превращении» пастушеского посоха в жезл власти Иисуса Христа см. [Маслова 2016]). Значимость сакрального предмета и устойчивость данного термина подчеркивает существование названия ядовитого растения *рогоз чёртова пáлочка*, также отмеченного пометой «пермское» [Анненков 1878: 366].

Разнообразны народные варианты названия растения кипрей (иванчай¹): *ивáновская трава*, *ивáн-трава́*, *ивáн-цветни́к*, *ван-трава́*: «На ван-

¹В формах *иван*, *ван* в этом и последующих названиях сохранилась древняя форма притяжательного прилагательного *Ивань* от *Иван* с последующим отверждением конечного согласного (часто чисто графическим, поскольку в произношении перед последующим *ч* мягкость сохраняется).

траву заговаривали. Хорошо помогает от боли в зубах» (Чернуш.: Коробейники) [ЛЗА]; «По-вашему иван-чай, у нас дак он иван-цветник зовётся» (Очер.: Рогали). Название может указывать на Иванов день (Рождество Иоанна Крестителя): кипрей обычно расцветает к этому времени. Соотнесенность с сакральным временем сообщает растению исключительную силу (*травой св. Ивана* лечат тяжелые болезни — эпилепсию, порчу и вражью силу [Колосова 2009: 158–159]). Значима для номинации и основная символика имени *Иван*: оно само по себе считается в народном именнике береговым, поскольку, как одно из наиболее распространенных мужских имен, получает расширительный смысл ‘мужчина вообще’, т. е. ассоциируется с силой и активностью. Любопытно перенесение на название растения хронима *Ива́н-цветни́к* (сочетание используется в говорах обычно как название Иванова дня), что подчеркивает включенность растения в праздничные события. Характеристика *цветник* неслучайна: так называют старообрядческий рукописный сборник назидательных мыслей и добрых советов, извлеченных из творений святых отцов. Растение с множеством собранных на стебле красивых лилово-розовых, иногда белых цветков ассоциативно соотносится еще и с доминирующим цветом праздника Рождества св. Иоанна Крестителя: священникам в этот день в одеянии назначен золотистый или белый цвет.

В оценочных характеристиках могут использоваться и отфамильные образования. Ироническое выражение *ста́линская коро́ва* ‘о козе’ [ФСПГ: 177] основано на историческом факте — вынужденном переходе крестьян в сталинское время к разведению коз вместо коров (из-за высоких налогов). Сочетание *горбачёвская рожь* ‘о заброшенных, заросших колхозных полях [СРГКПО: 212], отмеченное горькой иронией, связывает с реальным историческим деятелем разрушительные процессы в жизни колхозного строя.

Оценочное значение фразеологизмов с антропонимами очевидно и в некоторых названиях пищи и напитков. Так, название чая некрепкой заварки *ага́пин чай*: «Пейте, девки, чай, не брезгуйте. Чай-от некрепкий — агапин чай» (Перм.: Юго-Камский) [ЛЗА], — скорее всего, обыгрывает народную символику имени *Агафья*. Святая мученица Агафия, как известно, погибла за веру в Христа: осудив как христианку, ее подвергли мучениям, отрезав груди. Праздник в честь св. Агафии на Руси (его называли в честь покровительницы домашнего скота *Агафья Коровница*) носил еще одно название — *Голодуха*, так как он приходился на 18 февраля, когда коровы были еще «в запуске» и не давали молока. Далее характеристика голодного времени без молока была перенесена на оценку пустого, без молока или сливок чая. Отдаленная отсылка к несчастной судьбе святой ощущается и в выражении *ага́шу* (*аку́лю*)

смеши́ть ‘говорить вздор; делать глупости’: «Не смеши агашу-то, никто тебе не поверит» (Черд.: Бондюг) [ФСПГ: 13].

Отдельные названия обозначают сугубо культурные реалии. Заговор для домашнего скота *мака́рово сло́во*: «Знашь Макарово слово, и скотина к тебе идёт, домой» (Охан.: Дуброво) [ЛЗА] — содержит, скорее всего, имя преподобного Макария (св. Макария Великого, или Египетского), которого в народе считали охранителем скота от всех несчастий. В Макарьев день, 1 февраля, животных «закликали» именем святого, сгоняли к церкви и окропляли святой водой [Юдин 1997: 99] (эту же функцию преподобного отмечает Н. И. Толстой: к батюшке Макарию обращаются, чтоб он спас скотинку-животинку; см. о «блаженном» Макарии [Толстой 1995: 365–358]). Весьма вероятно, связано с именем святого имя *Макар* в известной поговорке о далекой и безлюдной местности: *где макар коров не пас (коз не даивал, телят не гонял)*. Образ некоего пастуха *Макара* перекликается здесь с названием *Макарийских островов* — русским обозначением мифической области где-то на краю света, сакральной заморской страны, расположенной посреди океана (от греч. *makarios* ‘блаженный’, ‘счастливый’). Исследователи отмечают райскую природу островов, связанных с загробной жизнью душ [Горницкая, Ларионова 2013: 48]. Подробное описание Макарийских островов, где «деревья весьма высокие и красивые», «птицы красивые на деревьях», «прекрасная вода», а обитатели «поистину <...> божественной жизнью живут», дано в древнерусском романе «Александрия» [1982: 109]. Более позднее использование образа островов блаженных отмечено в стихотворении К. Бальмонта «Райские птицы» («На Макарийских островах / Живут без горя человеки <...> Там птицы райские живут, / Волшебный Сирин с Гамаюном...»). Любопытно, что выбравшего для себя безмятежную жизнь у воды заядлого рыбака в Пермском крае шутливо называют *мака́р*. Пастух (один из древнейших культурных символов) также получает эту характеристику — в силу своей жертвенности, избранности, близости к природе.

Еще один редкий образ представлен в народной эвфемической характеристике загробного мира *поле авраа́мово*: «Если дети — они в поле авраамово попадают, они безвинные» (Лыс.: Кын) [СЛФС: 115]. Фразеологизм является вариантом встречающегося в Библии выражения о месте упокоения праведников в царстве мертвых *лоно Авраамово* (Лк. 16: 22). В нем жизнь праведников после смерти представлена иначе, чем в исходном евангельском выражении, где смерть интерпретируется как пребывание души в месте упокоения ветхозаветного старца Авраама, на его груди или в пазухе, т. е. под защитой отца всех верующих (рай был отверст позже — страданием и воскресением Господа Иисуса Христа). Народное «объяснение» смерти в варианте с *полем*

заключается в уподоблении загробной жизни умершего жизни земледельца (иные «занятия» умершего отмечают пермские фразеологизмы о смерти, пребывании под землей как работы: *соль вѣшать* [ЛЗА], *горшкѣ дѣлать* [СРГКПО: 85], ср. также смол. *песѡк караулить* [СРНГ 13: 78]).

Фразеологизмы с антропонимическими образованиями могут характеризовать объекты природного мира, предметы и культурные реалии, человека, выражать уровень и особенности его физического, интеллектуального развития, моральные, психологические особенности, социальный статус. Высокая ассоциативная нагруженность имени обычно сообщает образованным с их помощью фразеологизмам яркую коннотативную окрашенность.

Самая большая группа фразеологизмов с именем выражает оценку лица по его особенностям. С помощью притяжательных форм от имени создана серия фразеологизмов, в которых основой характеристики является анимализация: *тѣтова корѡва* ‘о склонном к бродяжничеству’ (Чернуш.: Есаул) [СРГЮП 1: 460], *как сѣмеѡнова корѡва* ‘об испытывающем беспокойство’: «Ну что ты бродишь взад-вперед, как сѣмеѡнова корова, чѣ тебе не хватает?» (Оса) [Там же], *мышляихина корѡва* ‘о человеке, который не сидит на месте, слишком много ходит’ (Чернуш.: Трушники) [Там же]. Сравнение с коровой жены некоего *Мышляя* (прозвищное имя, от которого образованы и прозвище *Мышляиха*, и фамилия *Мышляев*) указывает на склонность не только хозяина, но и животного замысливать что-л., изобретательно добывать. Сравнение с *сѣмеѡновой коровой* содержит библейскую форму имени (контрастирующую с «бытовым» словом *корова*). Возможно, в этом случае использован известный сюжет с указанием на животное, принадлежащее незначительному или неопытному хозяину (перм. прост. *худѡй как пѡшкин козлѣнок* [ЛЗА], ср. также пск. *раздѡло как антѡнову (как сѣманову) козѡ* ‘о переевшем тяжелую пищу’ [ПОС 14: 307]). Имя *Сѣмеѡн* распространено в священстве, поэтому выражение близко к известному в пермских говорах сравнению *отѣлся как попѡвская корѡва* ‘о жадном’ [НППК: 72], где ироническое народное отношение к попам мотивируется отсутствием опыта у священников обходиться с животными. Ср. также характеристику очень старого человека: *перезѣтъ попѡвскую собѡку* (Соликам.: Бельский) [ФСПГ: 265].

Еще один антропонимический образ использован в сравнении *как амбѣрова корова* ‘о любителе бродить, шататься’: «Робят дома оставит, сама по деревне как амберова корова, туда-сюда» (Охан.: Галешник) [ФСПГ: 176]. Женское имя (также фамилия) *Amber* французского и латинского происхождения известно и как название французского городка *Амбер* (где изготавливают плесневый сыр *Фурм-д’Амбер*). Европейские породы коров (в том числе *абердины* из графства Абердин в Шотландии) завозились в Россию

с начала XX в. — на Вологодчину, на Урал, в Удмуртию; возможно, так попали в Прикамье и французские коровы шотландского происхождения (или сведения о них). Любопытно, что в Костромской, Свердловской, Челябинской областях, в Башкирии фиксируется уже в XIX в. фамилия Амберов [Происхождение фамилии Амберов], что еще больше затемняет исходный смысл оценки склонного к бродяжничеству человека. Непонятное имя привлекает внимание и делает характеристику более запоминающейся. Известно имя и в современной топонимике: жилой комплекс «*Амбер Сити*», деловой центр «*Амбер Плаза*», ресторан «*Амбер*» (Москва) и пр. В основном же в группе уподоблений человека корове имена используются как указания на хозяина животного. Они конкретизируют образ и существенно дополняют ассоциативный потенциал фразеологизма.

Уподобление оцениваемого лицу, наделенному тем или иным архаичным именем, причисление его к определенному ряду лиц — носителей одного и того же имени — достаточно частый в диалектной речи способ выражения оценки. В говорах фиксируется немало имен, перешедших в нарицательные: *манёфа* 'одетая по-старинному женщина': «Вот манефа-та, это кто оделся по-старушечьи» (Карагай); неодобр. *сёкля* 'о глупой женщине': «Секля, вовсе не толкуешь?!» (Сива); *мастрадья* 'ирон. о ведущем себя не по правилам человеке': «Не считается внучка с баушкой, мастрадия» (Черд.: Б. Долды) [ЛЗА]. Обычно это имена христианских святых мучениц (палестинская мученица Манефа живой была брошена в огонь; Синклитикия провела всю жизнь в посте и молитве; Мاستридия, борясь с соблазном, лишила себя зрения). Эти имена, отмеченные в старообрядческих святцах, современными носителями говоров обычно воспринимаются негативно.

Древнерусское нецерковное имя *Троян* (*Траян*) [Суперанская 2005] используется в составе фразеологизма как *федюнькинский траян* 'о глупом человеке': «Носится как федюнькинский траян, туды-сюды» (Соликам.: Тюлькино) [ЛЗА]. Оценочный характер устаревшего имени (вероятно, «третий в родившейся тройне или третий по счету ребенок в семье») уже слабо осознается, поэтому имя в рамках выражения заменяется нарицательным *талаку́т* 'об умственно отсталом, ненормальном', которое родственно перм. *талáкать* 'непонятно говорить' и *талáк* 'глупый' [СРНГ 43: 235]: «Как-от ненормальной мужик ходил, талакут, у его маленько не все, федюнькинской талакут» (Соликам.: В. Мошево) [СПГ 2: 433]. Определение *федюнькинский* содержит отсылку к топониму *Федюнькино* (такое название деревень и выселков, известных в ряде районов Прикамья, возникло, вероятно, от формы имени Федор — *Федюня*). Использование топонимического атрибута (дополнительная характеристика человека по стереотипно воспринимаемому в негативном ключе

месту проживания) встречается и в других характеристиках. Неодобр. *колóбиха дубрóвская* ‘о полной, невысокой, странного поведения женщине’ (Охан.: Осиновка) [ЛЗА] содержит прозвище по мужу *Колоб* (от *колоб* ‘небольшой круглый хлебец’), сконструированное с помощью суффикса женскости, и указывает на круглую форму; включенное в выражение определение *дубровская* — на существование в д. Дуброва психоневрологического интерната.

Древнерусское имя *Баян*, также вышедшее из употребления, использовано в сравнении *как баян* ‘о безрассудном человеке’ [ФСПГ: 19]: «Управы на их нет! Как баяны, весь хлеб сожгли!» (Караг.: Воскресенское). Скорее всего, имя соотносится с *бáять* ‘говорить’ (откуда *баян* ‘о чрезмерно разговорчивом’: «К Марие Субботиной идите — она баян, много расскажет, всех принимает» — Г-3: Пашия); ср. также ленингр. *баянить* ‘говорить’ [СРНГ 16: 167].

Еще одно устаревшее имя, древнегреческое по происхождению (родственное греч. *theos* ‘бог’), используется в сравнительном обороте *как феона* ‘о женщине с разлохмаченными волосами’: «Как феона ходит, видно, вовсе не расчасываться» (Част.: Ножовка) [ЛЗА]; *как фиошиха* ‘о нелюдимой, подобной колдунье женщине’: «Живёт как фиошиха, одна, посмотрит на тебя, дак страшно сделаться» (Осин.: Н. Залесново) [ЛЗА].

Мотивирующей основой фразеологизма может быть имя с ярко выраженной прецедентностью. Так, сравнение *как каин* ‘о пребывающем в одиночестве человеке’: «К дочере вот приехала. А хоть кака бы постеля не мягка, все равно не дома. Сижу вот как каин, никуда не хожу» (Черд.: Пянтег) [ЛЗА] — содержит имя старшего сына Адама и Евы. Как известно, он стал первым убийцей на земле; по повелению Бога, никто не имел права его умертвить, и Каин прожил 860 лет, так и не исповедав свой грех. Уподобление говорящей Каину связано не с осознанием греховности. Она соотносит с этим образом свою глубокую старость, а главное — выражает признание себя бездомным скитальцем, отверженным, как Каин (Быт. 4: 12).

Если для устаревших имен коннотации необразованности, необщительности, странности относительно понятны, то для имен распространенных они трудно объяснимы. Идиоматичен оборот *как семён* ‘о похожем на девушку, женоподобном молодом человеке’: «Ходит как семён, только что не красится» (Пермь, молодежный жаргон). Возможно, смысл связан с особым отношением к имени, праздник в честь которого (Семёнов день — 14 сентября, в честь Симеона Столпника) открывал бабье лето, т. е. период женских работ; отсюда и сближение *Семена* с женщиной. В. Н. Топоров, исследуя интерес Ф. М. Достоевского к этому имени, указывал, что в текстах писателя имя *Семён* носит мелковатый, незначительный, непредставительный, часто неудачливый, иногда смешной герой, в том числе «в силу ассоциаций эротического

толка» [Топоров 1995: 152]. Наглядно демонстрирует эти характеристики Семена фрагмент в рассказе «Господин Прохарчин»: «Язычник ты, языческая ты душа, мудрец ты! — умолял Зимовейкин. — Сеня, необидчивый ты человек, миловидный, любезный!».

Сравнение *как дани́ло (злосча́стной)* ‘о невезучем’: «Бедный мужик, как данило. Опять ему, другой раз штраф пришёл» (Караг.: Рождественск) [ЛЗА] может быть объяснено, во-первых, связью с именем героя русской народной сказки «Данило Бессчастный», известной по сборнику А. Н. Афанасьева (в ней князь дает Даниле невыполнимые задания, с которыми справляется его жена Лебедь-птица). Во-вторых, оно может быть соотнесено с вошедшим в фольклор именем древнерусского книжника XIII в. Даниила Заточника (также настрадавшегося, отправленного в ссылку своим князем). По мнению П. А. Бессонова, имена *Данила Бесчастный* «в старинной пословице» и *Даниил Заточник* связаны между собой [Бессонов 1862: 410]. В позднем применении имя теряет этот дополнительный смысл, но получает другую мотивировку и другую оценочность. В пермском обороте (*как*) *дани́ло стéльной* ‘о медлительном’: «Чё ты идешь как данило стельной, опоздам ведь» (Караг.: Ст. Посад) [ЛЗА] — используется зоокомпонент *стельный* (слово применяется для характеристики находящейся в состоянии беременности коровы), который придает выражению неодобрительный смысл.

В однословных сравнениях и уподоблениях кого-л. носителю конкретного имени компаративная ситуация не развернута, отчего возникают разнообразные варианты имени-образа. Ср. ‘о простоватом человеке’: перм. *как ду́нька с трудодня́ми*, пск. *ва́нька с трудодня́ми* [ПОС 3: 33]; ‘о нелепой женщине’: перм. прост. *ду́ня с водокáчки, как ду́нька с мы́льного заво́да, ду́нька с Ба́харевки, как ду́нька с молоко́нки* (молокоприемного пункта) [ЛЗА]. Попыткой преодоления идиоматичности этих оборотов является применение проясняющих распространителей, определительных компонентов. Выражение *как оку́лька беспрóкая* ‘о небрежно одетой, неряхе, неумелой женщине’, в котором проявлен условный смысл «деревенскости-необразованности» (*Окулька* вместо *Акулина*), раскодируется определением *беспрóкая* ‘беспольная’. Сочетание *беспомóшная парáня* ‘о неловкой женщине’: «У-у, беспомошная параня, не вижу ничё уж, ладом сделать-то не могу» (К-В: Губдор) [ФСПГ: 260] — содержит соотнесение характеризуемого с беспомощной женщиной. Применение имени *Параня* как обобщающего названия женщин вообще проявляется и в других народных фразеологизмах типа шутливой мужской приговорки *после баньки паранька*, бранного выражения *едрить твою параньку*: «Купить-то бы купил, дак купить-то не на чё, едрит твою параньку!» (Караг.: Воскресенск). Устойчивость уподобления «*Параня* = женщина» связана

с культом св. Параскевы Пятницы, особенно популярным среди женщин (св. Параскева Пятница воспринималась как покровительница женских работ, браков [Левкиевская, Толстая 2004: 633]).

Повышенной активностью при образовании отантропонимических фразеологизмов отличается имя *Иван* и его формы *Ванька*, *Ваня*: *Ива́н Гробо́вич* ‘смерть’, *ва́ня за́дний* ‘об отстающем, медлительном’: «Вот ваня-то задний! Как ни гляну на тебя — всё сзади плетёшься» (Окт.: Тюш) [СРГЮП 1: 97]; *ва́ня гу́льный* ‘о неверном, распущенном’: «Вот и мой ваня гульной домой катит» (Суксун) [Там же]. Разгульность отражает и выражение *пошёл ванька по деревне* ‘о любителе повеселиться’: «Как вечер, так он эх... Пошёл ванька по деревне» (Караг.: Пушкарня) [ЛЗА]. Близок к нему оборот *Ва́ня Ве́тров* ‘о бездельнике’: «Он чё, Ваня Ветров, Шаталтрест» (Карагай) [ЛЗА]. Образ *Вани Ветрова* (*Ивана Ветровича*) отмечен в фольклоре — в олонекской сказке о том, что царская дочь забеременела от ветра и родила богатыря Ивана Ветровича, который затем победил змею «двадцати глав» и Кощея Бессмертного [Олонекские сказки]. В смоленской сказке о силаче Иване Ветрове герой также побеждает чудовище и женится на царевне Золотого царства [Добровольский 1991]. Образ использован и для создания фразеологизма *от ва́ни ве́трова* ‘о ребенке женщины, забеременевшей без мужа’; в этом случае задействована фоновая ассоциация «ветер — жених» (см. также об образах женатого ветра, ветра-блудника и гульника в севернорусских названиях видов ветров [Березович 2007: 320–328]).

Ряд фразеологизмов строится на приемах языковой игры, заключающейся в каламбурных сближениях имени и нарицательного слова. Пермский фразеологизм *как о́ря* ‘о громкоголосой женщине’ (Карагай) [ЛЗА] основан на сближении формы *Оря* (от *Орина*) с глаголом *орать*; выражение *к матю́ге отпра́вить* ‘грубо отругать’ — со сближением *мат* — *Матвей* (ср. пск. *спеть матвея* ‘грубо выругать кого-н.’ [ПОС 18: 38]). Создается немало фиктивных имен типа *жених кушта́нник*, *Ванька Ёлкин* ‘эвфемическое обозначение смерти’ (по относящимся к похоронному обряду реалиям), *Опехте́й Опехте́евич* ‘о полном человеке’ [ЛЗА] (от перм. *пéхтить* ‘жадно есть’), *Глухе́рия Фе́доровна* ‘о плохо слышащей женщине’ (с каламбурным преобразованием имени *Гликерия*) (Берез.: Шульгино) [ЛЗА]. Омофония имен собственных и нарицательных использована в выражении *Кир Иваныч* ‘прост. о пьянице’ — от *Кир* (форма имени *Кирилл*) и диалектного глагола *кира́ть* ‘пить’ [СРНГ 13: 225]. Оборот *Запата́рай Пата́рэвич* ‘о грязнуле’ [СПГ 1: 301] содержит новообразования перм. *пата́рать* ‘пачкать’ [СПГ 2: 79] и сближение с *Патрай* — формой крестильного мужского имени *Патрикей* (ср. сиб. *Патрай Патраич* ‘прозвище грязнули’ [ФСС: 133]).

Заключение

«Типические смыслы», наличие которых у имени предполагал П. Флоренский, формируются культурно-историческими, этнокультурными, внутриязыковыми обстоятельствами, зависят от истории жизни имени. Как опорный компонент значительного количества диалектных фразеологизмов, имя привносит в семантику устойчивого оборота образное представление, содержит скрытый ассоциативный фон, который может интерпретироваться творческой фантазией носителя речи. Фразеологизмы с именем нередко представляют своеобразные микроконтексты прецедентного характера, в которых актуализируются ассоциативные связи имени, закрепленные в сознании носителей традиционной культуры. Нарушение этих связей — причина повышенной идиоматичности и вариативности антропонимических фразеологизмов. По своим функциям фразеологизмы с антропонимами служат для обобщения народных представлений о действительности, и в особенности о социальных типах людей, выражают стереотипные оценки их морально-этических качеств, черт характера.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

ленингр.	ленинградские говоры русского языка	пск.	псковские говоры русского языка
перм.	русские говоры на территории Пермского края	сиб.	русские говоры Сибири
		смол.	смоленские говоры русского языка

В названиях районов Пермского края

Берез.	Березовский район	Охан.	Оханский район
Гайн.	Гайнский район	Очер.	Очерский район
Г-З	Горнозаводской район	Перм.	Пермский район
Ильин.	Ильинский район	Соликам.	Соликамский район
Караг.	Карагайский район	Сукс.	Суксунский район
К-В	Красновишерский район	Част.	Частинский район
Лыс.	Лысьвенский район	Черд.	Чердынский район
Окт.	Октябрьский район	Чернуш.	Чернушинский район
Осин.	Осинский район		

Прочие

неодобр.	неодобрительный	шутл.	шутливый
----------	-----------------	-------	----------

Источники

- Александрия // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. / вступ. ст. Д. С. Лихачева ; сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М. : Худож. лит., 1982. С. 22–174.
- Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб. : Имп. АН, 1878.
- Бессонов П. Заметка // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 2. М. : В тип. А. Семена, 1862. С. 378–723.
- Добровольский 1991 — Иван Ветров // Добровольский Н. Сказки Смоленского края. Смоленск : Смядынь, 1991. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/H/n-dobrovoljskij-v/skazki-smolenskogo-kraya/24> (дата обращения: 29.01.2025).
- ЛЗА — личные записи автора.
- НППК — Подюков И. А., Свалова Е. Н. Народная паремика Пермского края. К пиру едется, а к слову молвится. СПб. : Маматов, 2014.
- Олонецкие сказки — Иван Ветрович // Олонецкие сказки, притчи и былички. URL: <https://sreerupasta.com.ru/story/1687529847> (дата обращения: 25.01.2025).
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Л. А. Ивашко и др. Л. ; СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–. Вып. 1–.
- Происхождение фамилии Амберов // Famiry : [сайт]. URL: famiry.ru/database/surnames/amberov (дата обращения: 10.03.2025).
- СЛФС — Подюков И. А., Свалова Е. Н., Черных А. В. Словарь лексики и фразеологии старообрядцев Пермского края. СПб. : Маматов, 2022.
- СПГ — Словарь пермских говоров : в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь : Книжный мир, 2000–2002.
- СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь : ПОНИЦАА, 2006.
- СРГЮП — Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2010.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Суперанская А. В. Современный словарь личных имен. Сравнение. Происхождение. Написание. М. : Айрис-пресс, 2005. URL: <https://lexicography.online/onomastics/superanskaya/> (дата обращения: 13.03.2025).
- Флоренский П. Имена. Часть первая. Ономатология // Флоренский П., свящ. Малое собрание сочинений. Вып. 1 : Имена. М. : Купина, 1993. URL: <https://solncev.narod.ru/Floren.htm> (дата обращения: 29.01.2025).
- ФСНГ — Прокошева К. Н. Фразеологический словарь Пермских говоров. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2002.
- ФСС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1983.

Исследования

- Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: боярышник, терновник и другие колючие деревья и кустарники // Славянский альманах. 2014. Вып. 1–2. С. 352–373.
- Андреев В. Н. Арготические фразеологизмы, включающие имена собственные и их омонимы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65). С. 72–74.

- Андреева Е. П. Имена собственные в составе диалектных фразеологизмов: на материале вологодских говоров // Смоленский медицинский альманах. 2023. № 3. С. 20–25. <https://doi.org/10.37903/SMA.2023.3.4>
- Березович Е. Л. Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
- Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А. Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков. Человек. Культура. Политика и экономика // Quaestio Rossica. 2015. № 1. Р. 129–152. <https://doi.org/10.15826/qr.2015.1.083>
- Горницкая Л. И., Ларионова М. Ч. Место, которого нет: Острова в русской литературе. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013.
- Зиманский В. Э., Радюль О. Ю. Фразеологические единицы с антропонимическим компонентом в русском языке: состав, структура, семантика // Русский язык без границ: новые возможности развития диалога культур : сб. междунар. пед. форума / под ред. И. Ю. Абрамовой. Н. Новгород ; М. : Маркин, 2022. С. 133–141.
- Ковшова М. Л., Дронов П. С. Вариативность русских фразеологизмов с компонентами-антропонимами // Русистика. 2022. Т. 20, № 3. С. 269–283. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-269-283>
- Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники : этнолингвистический аспект. М. : Индрик, 2009.
- Левкиевская Е. Е., Толстая С. М. Параскева Пятница // Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М. : Междунар. отношения, 2004. С. 631–633.
- Маркевич В. И. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом-антропонимом в русском, белорусском и немецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (37). С. 136–139.
- Маслова Ю. В. Символика и культурное значение Архиерейского посоха-жезла в церковной полемике XVII–XVIII вв. // Культурное наследие России. 2016. № 4. С. 44–52.
- Толстой Н. И. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995.
- Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического : избранное. М. : Прогресс : Культура, 1995.
- Феоктистова Л. А. К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13, № 1. С. 85–116. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.1.005
- Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М. : МОНФ, 1997.

References

- Agapkina, T. A. (2014). Simvolika derev'ev v traditsionnoy kul'ture slavian: boiaryshnik, ternovnik i drugie koliuchie derev'ia i kustarniki [The Symbolism of Trees in Traditional Slavic Culture: Hawthorn, Blackthorn, and Other Thorny Trees and Shrubs]. *Slavianskii al'manakh*, 1–2, 352–373.
- Andreev, V. N. (2016). Argoticheskie frazeologizmy, vkluchaiushchie imena sobstvennye i ikh omonimy [Argotic Phraseological Units Containing Proper Names and Their Homonyms]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 11, 72–74.
- Andreeva, E. P. (2023). Imena sobstvennye v sostave dialektnykh frazeologizmov: na materiale vologodskikh govorov [Proper Names in Dialectal Phraseological Units: Based on the Vologda Dialects]. *Smolenskii meditsinskii al'manakh*, 3, 20–25. <https://doi.org/10.37903/SMA.2023.3.4>

- Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovania* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.
- Berezovich, E. L., & Krivoshchapova, Yu. A. (2015). *Obraz Moskvy v zerkale russkogo i inostrannykh iazykov. Chelovek. Kul'tura. Politika i ekonomika* [The Image of Moscow as Reflected in Russian and Foreign Languages: Person, Culture, Politics, and Economy]. *Quaestio Rossica*, 1, 129–152. <https://doi.org/10.15826/qr.2015.1.083>
- Feoktistova, L. A. (2016). K metodike analiza assotsiativno-derivatsionnoi semantiki lichnogo imeni [Towards a Methodology for the Analysis of Associative-Derivational Meaning of a Personal Name]. *Voprosy onomastiki*, 13(1), 85–116. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.1.005
- Gornitskaya, L. I., & Larionova, M. Ch. (2013). *Mesto, kotorogo net: Ostrova v russkoi literature* [A Place that Does Not Exist: Islands in Russian Literature]. Rostov-on-Don: Izd-vo IuNTs RAN.
- Kolosova, V. B. (2009). *Leksika i simbolika slavianskoi narodnoi botaniki: etnolingvisticheskii aspekt* [Lexicon and Symbolism of Slavic Folk Botany: An Ethnolinguistic Perspective]. Moscow: Indrik.
- Kovshova, M. L., & Dronov, P. S. (2022). Variativnost' russkikh frazeologizmov s komponentami-antronimami [Variability of Russian Phraseological Units with Personal Names]. *Rusistika*, 20(3), 269–283. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-269-283>
- Levkievskaya, E. E., & Tolstaya, S. M. (2004). Paraskva Piatnitsa. In N. I. Tolstoi (Ed.), *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 3, pp. 631–633). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Markevich, V. I. (2014). Natsional'no-kul'turnaia spetsifika frazeologizmov s komponentom-antronimom v russkom, belorusskom i nemetskom iazykakh [National and Cultural Specificity of Phraseological Units with an Anthroponymic Component in Russian, Belarusian, and German]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 7, 136–139.
- Maslova, Yu. V. (2016). Simvolika i kul'turnoe znachenie Arkhiereiskogo posokha-zhezla v tserkovnoi polemike XVII–XVIII vv. [The Symbolism and Cultural Significance of the Bishop's Staff (Crozier) in Ecclesiastical Polemics of the 17th–18th Centuries]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*, 4, 44–52.
- Tolstoy, N. I. (1995). *Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike* [Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.
- Toporov, V. N. (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in Mythopoetics: Selected Works]. Moscow: Progress; Kultura.
- Yudin, A. V. (1997). *Onomastikon russkikh zagovorov. Imena sobstvennye v russkom magicheskom fol'klore* [The Onomasticon of Russian Charms: Proper Names in Russian Magical Folklore]. Moscow: MONF.
- Zimansky, V. E., & Radiul, O. Yu. (2022). Frazeologicheskie edinit'sy s antroponimicheskimi komponentami v russkom iazyke: sostav, struktura, semantika [Phraseological Units with an Anthroponymic Component in Russian: Composition, Structure, Semantics]. In I. Yu. Abramova (Ed.), *Russkii iazyk bez granits: Novye vozmozhnosti razvitiia dialoga kul'tur: sbornik mezhdunarodnogo pedagogicheskogo foruma* [Russian Language Without Borders: New Opportunities for Developing the Dialogue of Cultures: Proceedings of the International Pedagogical Forum] (pp. 133–141). Nizhny Novgorod; Moscow: Markin.